

ихъ точно толчкомъ; мгновенно мы оба подняли голову, посмотрѣли другъ на друга и побуждали открыть форточку: легкій вечерній холодокъ обдалъ наши воспаленныя лица—то былъ первый привѣтъ весны; мы вдыхали эту свѣжесть полною грудью. Звуки стали долетать до насъ яснѣе; мы притаили дыханіе и слушали ихъ, пока они не замерли вдали... Опять посмотрѣли мы другъ на друга, и кто-то изъ насъ произнесъ:— „Вотъ и искусство“. Захлопнувъ форточку, ушли спать, не говоря другъ другу больше ни слова, какъ будто боясь выронить то, что запало въ наши души.

Въ эту зиму я испыталъ горе: умеръ мой любимый профессоръ Реймерсъ. Онъ былъ давно нездоровъ—чѣмъ, не знаю. Онъ умеръ для меня неожиданно. Я сильно чувствовалъ эту потерю—гораздо сильнѣе, чѣмъ радость, когда нашелъ его. Въ памяти у меня осталась печальная картина. Послѣ вечерняго класса мы всѣ пошли на выносъ тѣла. Посреди комнаты, на возвышеніи, стоялъ черный гробъ, обставленный зеленью; восковыя свѣчи горѣли печально, тускло; народу было много, но всѣ слились для меня въ одну массу; сквозь дымъ виднѣлись кое-гдѣ блѣдныя лица, блистали ордена и звѣзды. Черная женская фигура какъ подошла къ гробу, такъ и упала, и громко, горько зарыдала—то была жена Реймерса. Всѣ съ грустью опустили голову; сердце защемило навѣрно не у меня одного. Подняли женщину, убитую горемъ, закрыли гробъ крышкою, и мы, молодежь, понесли его на рукахъ въ церковь, гдѣ простояли долго, чего-то ожидая; наконецъ инспекторъ обратился къ намъ и сказалъ дрожащимъ голосомъ: „Господа, любимый вашъ профессоръ не встанетъ“... Мы молча разошлись. На-завтра, на рукахъ понесли мы его на кладбище... Не стану, мой другъ, описывать тебѣ всѣхъ подробностей погребенія—все это такая старая исторія, хотя она для каждаго изъ насъ „такъ нова“. Прибавлю только, что послѣ всего на кладбищѣ устроили трапезу. Мы всѣ были голодные и усталые, однако же и не думали заходить туда; но въ это время подошелъ къ намъ художникъ Келлеръ, повидимому другъ покойника, и сказалъ: „Господа, Реймерсъ никогда никому не отказывалъ въ жизни—зайдите!“ Это было лучшее надгробное слово.—Миръ этому доброму человѣку и профессору!

М. Антокольскій.